

13. Корочкова О.Н. Новое в изучении зольников и погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Екатеринбург, 1999. Ч. 2. С. 55-63.

14. Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995.

15. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993.

Виктор Владимирович ПУЗАНОВ —
зав. кафедрой дореволюционной
отечественной истории,
кандидат исторических наук
Удмуртского государственного университета
(г. Ижевск)
history@udm.ru

УДК 94(470) «08|09»(045)

ОТРАЖЕНИЕ ИЕРАРХИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТАТУСОВ ЭПОХИ ОБРАЗОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Аннотация. В статье реконструируются представления летописца об иерархии этнических статусов и месте в ней восточнославянских племен.

Summary. The author of the article tries to reconstruct the system of views of chronicle («Povest' vremennykh let») on the ethnical hierarchy and the place of East-Slavic tribes in it.

Ключевые слова. «Повесть временных лет», этнический статус, восточнославянские племена.

Key words. «Povest' vremennykh let», ethnical hierarchy, East-Slavic tribes.

В истории можно найти немало примеров, когда те или иные народы возводят родословную к легендарным предкам (троянкам, римлянам и т. п.), родство с которыми престижно и тешит «национальное» самолюбие. Напротив, родство с некоторыми народами, даже вполне реальное, считается нежелательным и посему отвергается на разных уровнях — от официального до бытового. Как бы то ни было, в традициях каждого этноса имеется своя градация других этносов по уровню престижности и более или менее разработанная система представлений о собственном месте в этой иерархии. Сложилась такая система и в Древней Руси. Оставив в стороне далекие и мифические народы, рассмотрим место в иерархии славян, хазар и варягов — основные этнические силы, противостоящие в Восточной Европе в эпоху становления Древнерусского государства.

Для древнерусской книжности характерен высокий уровень славянского этноцентризма. «Повесть временных лет» (далее ПВЛ) не является исключением. Летописца интересовали, в первую очередь, славяне — их происхождение, расселение, приобретение славянской грамоты, принятие христианства и противостояние с другими «языцами» (народами). Даже в описании народов полиэтничной Руси ПВЛ, как представляется, отмечает «инии языци» в большей степени для того, чтобы четче подчеркнуть, что «се бо токмо словенескъ языкъ в Руси...». Налицо оппозиция: славянская Русь — неславянские этносы, «иже дань дають Руси» [1].

Среди восточнославянских «племен» в ПВЛ существует собственная иерархия. Высшую ступень в ней занимают *мудрые и смысленые поляне*, противопоставленные древлянам, радимичам, вятичам, северянам и прочим поганым, не

ведущим «закона Божия». Согласно И.В. Ведюшкиной, «радимичи и вятичи, наряду с древлянами, северянами и кривичами, оказались в большой группе восточнославянских племен, противопоставленных полянам... Резкость летописца по отношению к ним сравнима разве что с высказываниями о нравах половцев и антимогометанским пассажем, предворающем речь философа» [2].

Данное наблюдение требует пояснений. На наш взгляд, летописец не стремится поставить здесь на один уровень славянские и неславянские «племена». Его задача — обозначить градацию в рамках собственно славянских «племен» по принципу «*поляне — неполяне*». Среди *неполян* особое место занимают словене ильменские, которые не рассматриваются в негативном ракурсе и характеризуются скорее положительно, чем нейтрально. Например, только *словен* и *полян* отметил своим посещением и вниманием апостол Андрей. Некая особость словен, признававшаяся киево-полянским летописцем, могла обуславливаться не только реальным их местом в иерархии восточнославянских «племен», но и спецификой племенного имени: писать плохо о *словенах* (славянах) книжник не мог.

Своя иерархия в ПВЛ имеется и для неславянских племен и народов. В формируемых под пером летописца иноэтничных образах бросаются в глаза существенные отличия, например, в восприятии народов германо-романского круга, с одной стороны, и тюркского — с другой. Наглядно это видно при описании взаимоотношений восточных славян с аварами, хазарами и варягами. В народном сознании авары отличались от нормальных людей как внешним видом и непомерной гордыней («телом величи и оумомь горди»), так и изощренными издевательствами над побежденными: «Примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женамь Дулепскимь: аще поехати будяше Обьрину...веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телегу и повести Обьрена, и тако мучаху Дулебы» [3]. Уподобление скоту — что может быть оскорбительнее для народной гордости, особенно в языческую эпоху. Тяжесть позора удваивалась, если объектом издевательства становились женщины.

Как тяжелое рабство воспринималось и хазарское господство. Здесь нет сюжетов, подобных запряганию в телегу жен; монах-летописец нашел другое, не менее сильное, с точки зрения христианина, средство передачи всей тяжести хазарского ига, проведя аналогии с библейским порабощением евреев египтянами [4]. Аналогия показательная, ведь для христианского книжника «египетский плен» являлся своеобразной квинтэссенцией рабства. Таким образом, квинтэссенцией иноземного ига в понимании восточных славян стали аварское и хазарское завоевания: согласно языческой традиции (ассоциации с запряганием) — первое, христианской (сравнение с египетским пленением) — второе.

Образ викинга на Руси намного сложнее и противоречивее: агрессоры, от набегов которых откупаются, и которых, при первой возможности, изгоняют за море; наемные дружины на службе у русских князей; союзники в борьбе с Византией, печенегами и в междоусобных войнах; воины отменные, но алчные, не брезгающие грязной работой (наемные убийцы); буяны, нередко доставляющие массу хлопот тем, помогать кому были призваны; преданные дружинники (образец — Варяжко); добродетельные христиане-мученики и др. Наконец, варяги это и *Русь*, пришедшая с Рюриком по зову туземных племен, от которой «прозвася Русская земля», и которую летописец попытался генеалогически связать и со словенами, и с полянами.

Не все просто и с восприятием первых князей-варягов. С одной стороны, они «землю нашу... стяжали... трудом великим и храбрством, побарающе по Русьскеи земли, ины земли приискываху...», готовы были погибнуть, но не посрамить «земле Руские» и т. п. В то же время, Игорь сравнивается с волком, который «восхищая и грабя» — в противоположность древлянским князьям, «иже распасли суть Деревьску землю», а Святослав, призывавший воинов не посрамить землю Русскую,

упрекается киевлянами в том, что бросил ее на произвол судьбы. Таким образом, для потомков данников первые киевские князья являлись волками-грабителями. Да и киевляне помнили, что первые князья не очень-то проникались интересами Киева и готовы были при первой возможности променять его на более удобное разбойничье гнездо. Ситуация изменится лишь в правление Владимира [5].

Создается впечатление, что для книжной традиции, при определенных исключениях, характерна тенденция на формирование положительного образа варяга на Руси. Историческая память сохранила живые образы эпохи Ярослава Мудрого, когда варяги выступали, прежде всего, в качестве наемников и находились под контролем русской администрации. Прибывавшие на Русь в период начального летописания варяги мало чем напоминали «грабителей и разбойников» эпохи викингов, а княжеский род и многие представители нобилитета, не стесняясь, вели свою родословную от варяжских предков, более того — гордились ею. Ведь варяги «при составлении... генеалогий... могли рассматриваться в качестве престижных предков» [6]. Поэтому варяги эпохи викингов воспринимались летописцем через призму современных ему варягов, причем «своих» (таких, например, как *Шимон* Киево-Печерского патерика), а не «латинян»-католиков.

Иным был этот образ в фольклорной традиции. Именно в летописных сюжетах фольклорного происхождения чаще всего встречается отрицательный образ варяга (напр., рассказы о взимании дани, бесчинствах в Киеве и Новгороде, убийстве Ярополка, «древлянский сюжет», в котором Игорь уподобляется волку). Негативное отношение к варягам проявляется и в предании об отроке кожемяке.

Летописцу тоже претили самодовольство и спесь северных воителей. Показательно описание прибывшего на помощь Ярославу Мудрому «лепего» Якуна, щеголявшего плащом («лудю»), расшитым золотом. Потерпев поражение от Мстислава, варяжский князь «ту отбеже луды златое». Иными словами, пестрый щеголь, щеголявший не личными достоинствами, а одеждой, посрамленный бежал, потеряв то, чем щеголял (т. е. главное свое достоинство). Заметно и насмешливое отношение к варягам, пришедшим с Якуном: северян они *секли*, но дружина Мстислава посекала их самих [7].

Негативное отношение к варягам проявилось и в том, что именно они лишили жизни св. Бориса. Показательно, что св. Глеба, «зареза... акы агня непорочно» его повар, «именем Торчинъ» [8]. Символично, что нить жизни первых русских святых была оборвана руками представителей варяжского и тюркского миров — главных противников восточных славян на раннем этапе их государственной истории.

Как видим, автор ПВЛ, с одной стороны, указывает на преемственность славян с изначально варяжской *русью*, с другой — проявляет двойственное, с некоторым негативным акцентом, отношение к *варягам*. Ответ на это противоречие можно найти, проанализировав особенности использования в ПВЛ понятий «варяги» и «русь». Несмотря на все свои старания, летописец так и не смог последовательно отделить *русь* (призванных, «своих», варягов, от которых прозвалась *Русская земля*) от остальных *варягов*.

Таким образом, если отбросить сложную летописную конструкцию об особом месте *руси*, славяне в этнической иерархии ПВЛ занимали верхнюю ступень. Градация среди восточных славян, в несколько упрощенной троичной конструкции, может быть представлена так: *поляне-словене-остальные*. Из иноэтничного окружения особое внимание уделяется представителям тюркского и германского миров, во многом определявших политические процессы в Восточной Европе VIII — начала первой половины XI в., и под властью которых значительное время находилась часть восточнославянских объединений. Однако если авары и хазары воспринимались однозначно как враги, то восприятие

варягов было двояким: среди последних были и *свои*, и *чужие*. Отношение к варягам во многом как к *своим* объясняется не только тем, что князья и значительная часть древнерусской знати имели варяжское происхождение, но и большей этнокультурной близостью, и более высокой позицией, занимаемой в выстроенной в общественном сознании иерархии этносов. Свои варяги, судя по элитным качествам (*смысленные*), которыми характеризуются их представители в ПВЛ, стоят выше основной массы восточнославянских племен, уступая только полянам. Показательно, что эпитеты высшего качества (*смысленный* и *мудрый*) могут относиться к византийцам, но не прилагаются к представителям тюркских (аварам, хазарам, печенегам) и восточнославянских (кроме полян) этнообразований.

Как объяснить расхождение в ПВЛ между высоким статусом славянства в целом и основной массой конкретных восточнославянских «племен», которые, по ряду признаков, поставлены едва ли не в один ряд с кочевниками? Едва ли только низким статусом данников, каковыми по отношению к Киеву являлись восточнославянские племена. Потомкам полян надо было идеологически обосновать свой привилегированный статус в отношении потомков других восточнославянских «племен». Для летописца-киевлянина приоритет потомков полян перед иноэтничным окружением казался фактом, не требующим доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1997. Т. 1. Стб. 10-11; ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 8.
2. Ведюшкина И.В. Этногенеологии в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования: 2002 год. М., 2004. С. 54-55.
3. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 10-14; Т. 2. Стб. 7-10.
4. Там же. Т. 1. Стб. 17; Т. 2. Стб. 12.
5. Там же. Т. 1. Стб. 56, 67, 70, 263-264; Т. 2. Стб. 44, 55, 58.
6. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в средние века / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 1990. С. 63.
7. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148; Т. 2. Стб. 136.
8. Там же. Т. 1. Стб. 136; Т. 2. Стб. 123.

Камалутдин Магомедович КАМАЛОВ —
ст. преподаватель филиала
Удмуртского государственного университета
в г. Губкинский
fudgu@list.ru

УДК 94 (47157):930

СОВРЕМЕННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИКИ О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ВЕЧА

Аннотация. Статья посвящена проблеме социального состава древнерусского веча в современной отечественной историографии.

Summary. The article is devoted to the problem of the social structure of the Old Rus' veche in the Modern Russian historiography.

Ключевые слова. Вече, Древняя Русь, историография.
Key words. Veche, Old Russia, historiography.